

УДК 168

Вячеслав Альбертович Медведев
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии УрФУ
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
г. Екатеринбург
8-919-395-83-63, MVAmet@ya.ru

ПАРАМЕТРЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА¹

Статья посвящена рассмотрению формы проявления в современном познании феномена методологии. В ней, во-первых, показано, что этот феномен – составляющая познавательного процесса, не редуцируемая к какой-то отдельной дисциплине или области знания; во-вторых, рассмотрены связанные с этим особенности последней.

Методология, концептуализация оснований, познавательная деятельность, философия, наука.

В справочной литературе термин «методология», как правило, соотносится с двумя основными значениями. Это, во-первых, система методов, эпистемологических принципов и основополагающих теоретических представлений, определяющих подход исследователя, видение им изучаемого предмета, конкретные способы его постижения. И, во-вторых, это учение о способах постижения мира (шире – о методах осуществления деятельности). С точки зрения этимологии второе из этих значений является основополагающим. Именно в связи с появлением и целенаправленной разработкой «учения о методах» данный термин закрепляется в структуре научной и философской коммуникации.

Одним из первых опытов построения такого «учения» считается логическая система Аристотеля. Тем не менее, вплоть до Нового времени методология как «учение о методах» не имеет самостоятельного места в системе знания. Поэтому родоначальником методологии в собственном смысле слова считают Ф. Бэкона, чья громадная заслуга состояла в том, что он показал решающую роль метода в успехе познания.

Вслед за Ф. Бэконом проблемам методологии уделяют внимание многие выдающиеся исследователи. Однако основополагающие черты «учения о методах постижения мира» приобретает в связи с

¹ Исследование выполнено в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Мероприятие 1.1. Госконтракт № 14.740.11.0224.

творчеством Р. Декарта и И. Канта. Если Ф. Бэкон предпринимает попытку вооружить науку системой методов, которая позволяет кратчайшим путем достигнуть истины, то Р. Декарт придает методологическому исследованию отчетливую форму размышления об условиях и предпосылках познавательной деятельности¹. Здесь методология как учение приобретает ярко выраженный рефлексивный характер, что является предпосылкой появления дополнительного смыслового горизонта значения названного понятия. В лоне учения о методах начинают складываться черты нового стиля мышления. Однако на данном этапе речь идет о формировании тенденции, которая вплоть до И. Канта сохраняет имплицитные формы, не находит концептуального выражения. Проблемы методологии переплетаются здесь с гносеологической проблематикой и не выделяются функционально и стилистически из структуры теоретических знаний. В этом смысле обоснование Кантом особого статуса методологического знания является принципиальным с точки зрения развития методологической мысли и в первую очередь представлений о методологии как форме познания. Кант проводит различие между конститутивными и регулятивными принципами познания, между объективным содержанием знания и формами, при помощи которых оно организуется в систему. Таким образом впервые ставится вопрос о функциональных и стилистических особенностях методологического исследования как вида познавательной деятельности².

В то же время вплоть до XX в. «понятие методологии было фактически тождественно философской методологии» [10, с. 39]. И только во второй половине названного столетия функции методологического знания начинают распределяться по всей инфраструктуре познавательной деятельности. Многие вопросы методологии научного познания оказываются неразрешимыми в контексте философского методологического анализа, требуя конкретно-научного рассмотрения, в результате чего происходит, во-первых, преобразование методологии как разновидности познавательной деятельности, во-вторых, изменение семантики термина «методология».

Следствием соответствующих процессов становится обострение интереса исследователей к проблеме определения статуса методологических «знаний» и соответственно обострение дискуссий,

¹ Хотя близкие этому интенции обнаруживаются уже в творчестве элеатов, исследованиях Демокрита, направленность методологической рефлексии мыслителей Нового времени, а также характер постановки ими вопросов о методе познания привносит в развитие методологической культуры мышления нечто принципиально новое [3].

² Предлагаемый И. Кантом ракурс рассмотрения очень плодотворно разрабатывается И. Фихте. В серии своих трудов Фихте специально выделяет исследования, выступающие в роли методологического («критического») анализа его же собственного Наукоучения.

связанных с разработкой идеального объекта «методология». В отечественной исследовательской практике одним из ярких примеров подобных дискуссий является столкновение позиций Г.П. Щедровицкого как главы ММК («московский методологический кружок») и представителей Института философии АН СССР в ходе активного обсуждения названного вопроса в начале 1970-х гг. «В 1972 г. мы с Швыревым, – рассказывает В.А. Лекторский, – напечатали статью об уровнях методологического знания. Если раньше было принято считать, что философская теория познания и методология науки совпадают, то к началу 1970-х гг. стало ясно, что дело обстоит сложнее. Ибо интенсивно начали разрабатываться методологические проблемы в рамках таких общих, но не философских дисциплин, как системно-структурный подход, семиотика и др. Возникла необходимость развести философскую и специально-научную методологию, что мы и сделали» [1, с. 60]. Судя по всему, это была одна из первых попыток построения многоуровневой модели методологической деятельности. При этом ее основанием послужило весьма распространенное представление, согласно которому «методология, трактуемая в широком смысле этого слова, есть учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности... Основной функцией методологического знания является внутренняя организация и регулирование процесса познания или практического преобразования того или иного объекта». Соответственно, методология научного познания есть «учение о принципах построения, формах и способах научно-познавательной деятельности» [10, с. 31]. Принципиально важно, что методология рассматривается здесь как учение. Отталкиваясь от этого понимания В.А. Лекторский и В.С. Швырев пытаются построить многоуровневую модель методологической деятельности, пытаются соединить представление о методологии как самостоятельной дисциплине (и методологическом знании как системе) с тем очевидным для них фактом, что «особенностью современного состояния методологического анализа науки является его многоплановость, разнообразие уровней и типов анализа, способов и подходов» [2, с. 9]. Именно на это указывает Г.П. Щедровицкий в одном из своих выступлений, посвященных теме соотношения философии и науки. Его слова звучат следующим образом: «Наверное, В.С. Швырев уже догадывается, против чего я возражаю. Я считаю, что представления, развитые в его с В.А. Лекторским последней статье «Методологический анализ науки (типы и уровни)»..., достаточно точно отражает уровень наших идей, сложившихся примерно к 1957–1959 гг. Методология в этот период рассматривалась нами как особая научная дисциплина, а более конкретно – как авторефлексия науки, или как самосознание науки» [9, с. 322]. И далее: «...методология ... – это не знание, полученное

объективными методами, а определенное осознание наших способов работы и наших установок» [9, с. 326].

Необходимо отметить, что у авторов статьи (В.А. Лекторский, В.С. Швырев) нет жесткой привязки методологии к какой-то конкретной дисциплине или даже их совокупности. Скорее, они оттапливаются и более того стараются уйти от этого понимания. Но вместе с тем у них сохраняется склонность трактовать данную форму познания как нацеленную на получение определенного типа знания. Функции «методологического знания» оказываются основанием для определения свойств методологической деятельности на различных уровнях ее проявления. Г.П. Щедровицкий же отстаивает идею, согласно которой методология – это прежде всего стиль мышления. В этом заключается сильная сторона его позиции. Однако он «отрывает» методологию от науки, в то же время сохраняя за нею институциональные свойства самостоятельной дисциплины. «Методология должна рассматриваться не как совокупность или система знаний, оцениваемых по отношению к некоторому объекту, а как особая сфера деятельности», – утверждает исследователь [9, с. 369]. «Цели и задачи методологической работы – это то, что создается самими методологами, что соответствует внутренним процессам и механизмам жизни организма методологии, это то, что возникает, если можно так выразиться, по внутренней логике самой методологической работы». Как следствие, труды Г.П. Щедровицкого и его школы, с одной стороны, вносят неоценимый вклад в развитие представлений о методологическом мышлении как надпредметной познавательной деятельности, особенности которой очень чутко улавливаются в следующем высказывании: «Нельзя спрашивать является ли метаметодологическая работа методологической или метаработой в отношении методологии. Исчезновение оппозиции внешнего и внутреннего для методологической работы обусловлено тем, что вся она строится в первую очередь на рефлексии и особым образом организует эту рефлексю – так, что снимает различие внешнего и внутреннего» [9, с. 371]. С другой же стороны, труды ММК содержат в себе тенденцию постепенного дистанцирования от познавательной проблематики и превращения методологии в технологию. Очень показательной в этом отношении является эволюция проблематики ММК. Г.П. Щедровицкий определяет ее основные этапы следующим образом: от разработки понятия и теории мышления (1954–1963), через исследование теории деятельности (1963–1971) и разработку мыследеятельностной концепции, проблематики «мысль-коммуникация» (1971–1979) к теории и практике «организационно-деятельностных игр» (1979–1999). Соответственно, в начале 1990-х гг. глава ММК констатирует: «Мы стоим на пороге нового периода, для которого надо выработать свою особую программу. Это очень большой поворот и принципиальный, поскольку практика ОДИ как бы отодвинула разработку

методологии на задний план и вообще оттеснила. И теперь надо начинать все по-новой» [9, с. 3].

Итак, попытки вывести методологию за пределы познавательного процесса не являются перспективными. Понять это помогают как исторические примеры (которые сами по себе крайне красноречивы), так и сопоставление позиций современных исследователей. В этом отношении имеет смысл сравнить две современные трактовки методологии, одна из которых предполагает акцентирование организационно-деятельностных принципов, тогда как другая делает акцент на параметрах познавательной установки.

«Методология – это учение об организации деятельности», – пишут авторы книги «Методология» А.М. и Д.А. Новиковы [5]. «Такое определение однозначно детерминирует... предмет методологии – организация деятельности... Организовать деятельность означает упорядочить ее в целостную систему с четко определенными характеристиками, логической структурой и процессом ее осуществления... Такое понимание и построение методологии позволяет с единых позиций и в единой логике обобщить различные имеющиеся в литературе подходы и трактования понятия «методология» и его использование в самых разнообразных видах деятельности... Такой подход позволяет: во-первых, отсечь от методологии традиционно приписываемые ей излишние наслоения; во-вторых, найти общую логику таких широко обсуждаемых в современной литературе вопросов, как инновационная деятельность, проектирование систем, технологии, рефлексия и др.; в-третьих, рассматривать с единых позиций организацию основных видов человеческой деятельности: научно-исследовательской, практической, художественной, учебной и игровой... Традиционно принято методологию относить к философии или, по крайней мере, располагать ее как бы рядом с философией... Действительно, философия является основанием методологии, так же как и другие науки, изучающие деятельность: психология, системный анализ и т.д. Но в то же время, очевидно, *методология – это самостоятельная наука*... Если исходить из классификации наук, предложенной В.С. Ледневым..., то методологию следует отнести к практическим наукам. Она тесно связана с технологическими науками, системным анализом, организацией труда и производства, с управлением проектами и т.д.» [6].

Приведенная в этой цитате трактовка методологии наглядна, обладает логической стройностью, исчерпывающе определяет границы и особенности данного объекта рассмотрения. Ее можно использовать как руководство к действию, хорошо отлаженный алгоритм решения организационных задач. Однако с точки зрения развития познавательного процесса и с точки зрения расширения горизонтов познания, данная схема ровным счетом ничего не дает. Это описание процедур, без которых познание невозможно, но которые

в то же время имеют к научному, интеллектуальному творчеству весьма опосредованное отношение.

Методологическая составляющая познания, безусловно, связана с его организацией, но не сводится к алгоритмам организации деятельности. «Мои наблюдения и размышления показывают..., что сегодня для методолога важны и актуальны три плана влияния на мышление, – пишет В.М. Розин. – Традиционно он отвечает за интеллектуальную (мыслительную) культуру, а также обеспечение предметно-дисциплинарного мышления в аспекте его развития... Не менее важно влияние методолога на всех участников современной мыслительной коммуникации... в плане ее обустройства (например, формулирования правил «мыслительной игры», принципов общения участников мыслительного процесса...). Наконец, методолог может способствовать современным живым тенденциям развития мышления, работая в областях гуманитарного научного познания» [8, с. 59-60]. Розин также, как и Новиковы, говорит об «организующем» характере методологической деятельности. Но насколько иначе звучат его слова ... У него акцент делается на стиле мышления: «Гуманитарий не просто публично высказывает свою точку зрения, – отмечает исследователь, – а создает условия для нужной ему коммуникации: он строит такую реальность, в которой основные интересующие его коммуниканты и, естественно, он сам вынуждены занимать определенные позиции и далее активно действовать (опровергать, защищать, создавать новые школы, формулировать исследовательские программы, стараться реализовать их и т.д.)» [8, с. 62].

И если философ стремится уловить особенности методологического мышления, он вынужден примириться с тем, что методология оказывается куда более сложным и многогранным объектом рассмотрения, нежели представляется А.М. и Д.А. Новиковым. Это требует признания того обстоятельства, что **в современном теоретическом дискурсе методологию невозможно идентифицировать в качестве «учения о методах», то есть в виде системы знания или самостоятельной дисциплины.** Она проявляется в виде составляющей познавательного процесса, идентификация которой требует ее функционального (а не предметного) определения.

Параметры методологической составляющей познавательного процесса связаны с функцией концептуализации его оснований и наиболее отчетливо проявляются в ходе трансляции познавательного ресурса (теоретических конструктов, методов, принципов осуществления познавательного процесса) с одного уровня познания на другой. Эти процессы, с одной стороны, сопутствуют научному, философскому поиску, а с другой – определенным образом координируются в рамках исследований, специализированных на вопросах концептуализации оснований познания (множество методологических исследований).

В самом общем виде методологические параметры познавательного процесса проявляются в виде перманентного процесса формирования и применения теоретико-методологических инструментов, которые разрабатываются в разных дисциплинарных областях, на различных уровнях научного поиска и являются ресурсом концептуализации оснований познавательного процесса с необходимой для уровня его осуществления (философия, фундаментальная, прикладная наука и их подуровни) глубиной.

Далее, обращаясь к специализированным видам исследовательской деятельности, в структуре которых методологическая функция познания доминирует, стоит прежде всего коснуться вопроса об уровнях проявления методологического исследования в современном познании. «Не вдаваясь в детали, можно предложить следующую общую схему уровней методологии», – пишет Э.Г. Юдин [10, с. 40]. «Высший уровень образует *философская методология*. Ее содержание составляют общие принципы познания и категориальный строй науки в целом. Очевидно, что эта сфера методологии представляет собой философское знание и, следовательно, разрабатывается специфическими для философии методами. Вместе с тем она не существует в виде какого-то особого раздела философии – методологические функции выполняет вся система философского знания.

Философский уровень методологии реально функционирует не в форме жесткой системы норм и «рецептов» или технических приемов – такая его трактовка неизбежно вела бы к догматизации научного познания, а в качестве системы предпосылок и ориентиров познавательной деятельности» [10, с. 41].

Очевидно, что в данном случае речь идет о методологической функции философского знания, а не о подклассе методологических исследований, осуществляемых в формате философского дискурса. В этом плане размышления Э.Г. Юдина по поводу философской методологии требуют конкретизации [4]. «Второй уровень методологии, – продолжает он, – можно обозначить как уровень *общенаучных принципов и форм исследования*. Эта сфера методологии получила особенно широкое развитие в XX в., что и явилось главным фактором превращения методологических исследований в относительно самостоятельную область современного научного знания. Сюда входят как содержательные общенаучные концепции, выполняющие методологические функции и воздействующие на все или по крайней мере на некоторую совокупность фундаментальных научных дисциплин одновременно, хотя и необязательно в одинаковой степени, так и формальные разработки и теории, связанные с решением достаточно широкого круга методологических задач» [10, с. 42].

«Следующий уровень – это конкретно-научная методология, то есть совокупность методов, принципов исследования и процедур,

применяемых в той или иной специальной научной дисциплине... Важно подчеркнуть, что привлечение методологических средств с вышележащих уровней не может носить характера механического переноса: чтобы дать действительный, а не мнимый эффект, эти средства непременно должны получить соответствующую предметную интерпретацию и разработку...

Наконец, последний уровень методологии образуют *методика и техника исследования*, то есть набор процедур, обеспечивающих получение единообразного и достоверного эмпирического материала и его первичную обработку, после которой он только и может включаться в массив наличного знания. На этом уровне мы имеем дело с высокоспециализированным методологическим знанием, которое в силу присущих ему функций непосредственной регламентации научной деятельности всегда носит четко выраженный нормативный характер» [10, с. 43-44].

Э.Г. Юдин исходит из того, что «каждый из выделенных уровней методологического знания... выполняет свои особые функции в научном познании. Благодаря этой своеобразной специализации все уровни методологии образуют сложную систему, в рамках которой между ними существует вполне определенное соподчинение» [10, с. 44]. В этом с ним следует согласиться. Вместе с тем «необходимо учитывать, что в настоящее время различные уровни методологического знания пока еще не образуют единой научной дисциплины» [10, с. 45]. И в этом он также прав, только нужно отметить, что едва ли стоит ожидать появления подобной дисциплины. Рассредоточенность методологии по всей инфраструктуре познавательной деятельности характеризует не столько низкий уровень развития данной формы познания, сколько институциональные особенности теоретического познания на современном этапе его развития. И связанные с этим эпистемологические сложности необходимо решать не путем реформирования методологической деятельности, а посредством развития методологической культуры современного субъекта познания. Однако это вопрос, который рассматривается в другой публикации. Здесь необходимо завершить мысль Э.Г. Юдина, основное содержание которой заключается не в оговорке по поводу «временного» отсутствия единой методологической дисциплины, а в том, что охарактеризованные им уровни методологии объединяются в единое целое за счет направленности методологической деятельности на исследование способов получения нового знания.

В этом плане имеет смысл обратиться к свойствам «когнитивной стилистики» методологического исследования. Будучи ориентированным на формирование знания о способах постижения мира, методологическое исследование имеет характерные особенности, которые проявляются в его когнитивной направленности, а также

свойствах формируемого методологом «знания». Последнее не имеет субстанциального атрибута истинности, что не мешает ему быть рационально приемлемым с точки зрения философии и науки.

Далее методолога интересует структура и особенности познавательной деятельности. Изучает он их не иначе, как через концептуализацию собственных оснований, то есть осознание себя, находящегося в процессе познания. Обращаясь к концептуализации оснований, методолог реализует соответствующую функцию познавательного процесса не только и не столько как предметно выделенную дисциплинарную особенность соответствующей отрасли знания, но прежде всего как когнитивную особенность методологического исследования. Б.И. Пружинин пишет в этой связи: «...специфика исследовательской позиции методолога в том и состоит, что сферой его оценок являются методологические предпосылки знания, но не само знание» [7, с. 21]. И в этом заключается принципиальное различие между теоретической и методологической работой ученого. «...методология как таковая не создает непосредственно результата науки. Она выполняет свои специфические функции, отличные от функций теории ... Если теория направлена на *получение знания* о самой действительности, то методология направлена на *процесс получения знания*. Иначе говоря, между теорией и методологией всегда сохраняется отношение цели и средства» [10, с. 50].

Методологическое исследование не просто фокусируется на определенном предмете изучения, каковым является процесс познания. Его характерной особенностью служит определенная «когнитивная стилистика». Это отображается в доминировании методологической функции в структуре исследовательской деятельности методолога, что актуально вне зависимости от того, направлено ли исследование на анализ существующих научных концепций, подходов с целью определения их методологических оснований или же предполагает непосредственное формирование исследователем методологических инструментов в ходе фокусирования на структуре им же осуществляемого познавательного процесса. Конечно, в последнем случае методологические параметры познавательного процесса проявляются в более явной форме, так как здесь речь идет о «синхронизации» предметного и функционального содержания осуществляемого акта познания. Однако и в случае анализа «чужих» научных концепций структура исследовательской деятельности методолога практически не меняется, сохраняя особенности именно методологического исследования. Эти особенности заключаются в многоуровневости познавательных актов, когда исследователь не просто осуществляет концептуализацию определенного референта, но еще (и прежде всего) осознает себя как субъекта названного процесса. Причем подобное осознание не становится вторичным фоном последнего, но входит в его структуру в качестве дополнительного

уровня концептуализации, параметры которого являются не менее, а часто еще и более значимым предметом изучения методолога.

Это означает, что вне зависимости от конкретного предмета исследования методолог в первую очередь концептуализирует собственные основания. И, наоборот, в той мере, насколько когнитивная структура исследования проявляет собой параметры концептуализации ученым (философом) собственных оснований, уместно говорить о методологическом содержании соответствующего исследования, хотя это содержание в целостной структуре последнего часто не является доминирующим, будучи проявленным, например, в формате теоретического исследования, что характеризует особенности методологической функции познавательного процесса как такового.

Осознание себя в качестве субъекта познания в принципе является критерием профессионализма, методологической грамотности любого ученого (и тем более философа). Однако подобное осознание не требует удвоения фокуса рассмотрения до тех пор, пока исследование не окажется направленным на изучение познавательного процесса с точки зрения его методологического развития. В контексте «предметно» ориентированного теоретического или эмпирического исследования для ученого важны параметры концептуализации конкретного объекта, тогда как осознание себя в этом процессе является методологическим фоном познавательной деятельности. В данном случае двойная фокусировка познавательных актов только «мешает» исследователю, так как требует от него решения когнитивных задач, которые не связаны с конкретным предметом его изучения. Ему нет необходимости формировать методологический аппарат исследования. От него требуется не столько разработка инструментов познания, сколько «правильное» применение их в ходе формирования знания об окружающем мире (предмете исследования). А иначе соответствующее исследование было бы не теоретическим или эмпирическим, а методологическим, и решались бы в ходе его осуществления совсем другие задачи.

«Целью методологии, – отмечает Б.И. Пружинин, – является выработка эффективных ориентиров познавательной деятельности» [7, с. 62]. Последние «приобретают определенность на фоне содержательных установок различной степени общности (от конкретных объяснительных схем до фундаментальных представлений о мире), которые расширяют горизонты осмысления... опыта и позволяют ученому увидеть наличное состояние дел в перспективе дальнейшего движения... В контексте образованных этими установками концептуальных каркасов наполняются определенным логическим содержанием ориентиры научной деятельности и сама деятельность приобретает завершённые рациональные формы» [7, с. 69]. В этом смысле, будучи процессом концептуализации оснований, «методо-

логический анализ вычленяет те компоненты, которые являются средством построения научного знания, его условиями и предпосылкой» [2, с. 10]. Причем в формате методологического исследования данный процесс проявляется по-разному. Это и 1) формирование методологических инструментов, разработка принципов познавательного процесса; и 2) построение абстрактно-логической системы координат, в которой подобные принципы и инструменты обретают содержание онтологических представлений и связанных с ними эпистемологических ориентиров исследования; 3) анализ существующих концептуальных моделей с позиции изначально заданной системы координат.

Возвращаясь к параметрам методологической составляющей познавательного процесса как такового, необходимо отметить: названные параметры связаны с формированием и применением теоретико-методологических инструментов. Последние разрабатываются в разных дисциплинарных областях, на различных уровнях научного поиска и являются ресурсом концептуализации оснований познавательного процесса. А если учесть, что способность ученого (философа) концептуализировать свои основания становится в современных условиях императивом методологической культуры исследования, на каком бы теоретико-методологическом уровне оно ни осуществлялось, то становится очевидным, что значение характеризующей составляющей познавательного процесса все более возрастает.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лекторский В.А. О прошлом и настоящем / Беседа с В.А. Лекторским; беседу вел Л.Н. Митрохин // Субъект, познание, деятельность. К 70-летию В.А. Лекторского. М.: Канон+, 2002. С. 10-72.
2. Лекторский В.А., Швырев В.С. Методологический анализ науки (типы и уровни) // Философия, методология, наука. М.: Наука, 1972. С. 7-44.
3. Медведев В.А. О тенденциях развития методологической культуры мышления // Вопросы философии, 2010. № 2. С. 161-164.
4. Медведев В.А. Функциональность методологического исследования в контексте развития познавательного процесса // Эпистемы. Сб. науч. ст. Вып. 5. Проблемы философии науки. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2007. С. 100-127.
5. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. М.: СИНТЕГ, 2007. 663 с.
6. Новиков А.М., Новиков Д.А. О предмете и структуре методологии (авторский подход) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.methodolog.ru/method.htm> (проверено 20.03.2007).
7. Пружинин Б.И. Рациональность и историческое единство научного знания (гносеологический аспект). М.: Наука, 1986. 150 с.
8. Розин В.М. Природа и особенности гуманитарного познания и науки // Наука глазами гуманитария. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 59-93.
9. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.: Школа Культурной Политики, 1997. 656 с.
10. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1979. 391 с.

RESUME

Vjacheslav Albertovich Medvedev, Candidate of Philosophy, associate professor, Department of philosophy, Ural State Technical University – UPI, Yekaterinburg, 8-919-395-83-63, MVAmets@ya.ru

Parameters of methodological constituency of knowledge

The article considers the issue of the form, in which methodology appears in knowledge. First, it is argued that the methodology is part of knowledge irreducible to any discipline or sphere of study. Then, the peculiarities of the phenomenon of methodology are analyzed.

Methodology, conceptualization of foundations, knowledge, philosophy, science.

Материал поступил в редколлегию 22.03.2010 г.